

данном случае выступал не как идеолог, а как чиновник, исполнявший волю царя. Автор сводит воедино все аспекты раннего русского национализма, тщательно реконструируя консервативные модели образования, экономики, религии, русской истории и культуры в целом.

А.Ю. Минаков давно и заслуженно пользуется репутацией ведущего специалиста в области русского консерватизма Александровской эпохи. Его перу принадлежат десятки исследований, в том числе и монографических, под его редакцией неоднократно выходили тематические сборники, по его инициативе в Воронеже созывались научные конференции, посвященные проблемам консерватизма. Его монография подводит своего рода итог этой многолетней и многогранной деятельности и

открывает новую перспективу для дальнейшего научного изучения отечественного консерватизма.

В.С. Парсамов,
доктор исторических наук
(Саратовский государственный
университет
им. Н.Г. Чернышевского)

Примечания

¹ *Николай Михайлович, вел. кн. Переписка Императора Александра I с сестрой Великой княгиней Екатериной Павловной.* СПб., 1910. С. 21.

² *Глинка Ф.Н. Письма русского офицера.* М., 1987. С. 8.

³ *Глинка С. Записки о 1812 году.* СПб., 1836. С. 263.

Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. / Отв. ред. А.С. Туманова. М.: РОССПЭН, 2011. 888 с.

Как известно, о терминах не спорят, о них договариваются. Вероятно, относительно понятия «гражданское общество» исследователи пока еще не вполне договорились. О нем дискутируют и историки, и политологи, и социологи, причем вопросов со временем становится все больше. Что такое гражданское общество? Применим ли этот термин к российским реалиям Нового времени? Формировалось ли гражданское общество в России в XIX – начале XX в.? А может быть, к 1917 г. оно уже сложилось? Приблизиться к ответу на такие вопросы – цель коллективной монографии «Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в.» Столь значимая научная задача потребовала участия ведущих отечественных и зарубежных исследователей, уже многие годы разрабатывающих эту проблематику: А.С. Тумановой, В.Я. Гросула, О.Ю. Елиной, И.С. Розенталя, А.Е. Иванова, А.Д. Степанского, Дж. Бредли, Д.И. Раскина, И.В. Зубкова, П.П. Щербинина, А.А. Сафонова. В этом ряду столь известных имен не могло не быть Александра Давидовича Степанского, памяти которого и посвящена книга. Именно он был «первооткрывателем» темы и зачинателем историографической традиции изучения общественных организаций¹.

Анализ деятельности такого рода объединений с неизбежностью подводит исследователя к узловым проблемам истории России XIX – начала XX в. Трудно говорить об общественных организациях, не определив состоя-

ние общества, не охарактеризовав общественную мысль эпохи. В книге констатируется, что в условиях урбанизации, распространения образования, растущей популярности периодических изданий коммуникативная среда становилась существенно более «плотной», а процесс общественной самоорганизации протекал значительно быстрее. В монографии была проанализирована эволюция законодательной базы, регулировавшей деятельность общественных организаций. Также рассмотрено становление научных, просветительских, благотворительных, экономических, сельскохозяйственных, национальных, конфессиональных обществ. Отдельный очерк посвящен формированию клубной культуры в России. Исследованы формы общественной самодетельности (издательская, просветительская деятельность, благотворительность), представлена широкая панорама сетевых, горизонтальных связей, формировавшихся с конца XVIII в. Может быть, не хватает лишь характеристики периодических изданий, связывающих воедино разрозненные кружки, разделенные порой тысячами верст.

XIX век – время складывания общественной, с ее сложной внутренней структурой и свойственной ей собственной логикой развития. Конечно, речь идет о «долгом XIX веке» (1789–1914). Эти хронологические границы, характерные и для данной монографии, вполне обоснованны. Одной из первых вех в становлении общества стали жалованные грамоты дворянству и городам 1785 г.² Их привилегии

на первых порах означали сословные рамки складывавшегося общества. Но постепенно они раздвигались. За «первым непоротым» дворянским поколением последовали второе и третье, среди которых представителей благородного сословия становилось все меньше. Все это лишний раз подчеркивает, насколько зыбка грань между архаикой и модерном. Наделенная новыми смыслами структура как будто бы традиционного, сословного общества становилась той основой, на которой формировалось (или хотя бы начинало формироваться) общество гражданское. Впрочем, сословная структура российского общества к архаике может быть причислена лишь с некоторой долей условности. Сословия в России сложились отнюдь не в средние века, а как раз в конце XVIII в., вместе с ними пришло представление о юридически установленных правах отдельных социальных групп, а в итоге – о правах как таковых.

Русское общество стремительно эволюционировало, пройдя за полтора столетия путь от аристократических салонов к политическим партиям. Эти метаморфозы лишь опосредованно нашли свое отражение в книге, поскольку политическая сфера в ней намеренно не исследовалась. Авторы сконцентрировали свое внимание на легальных общественных организациях, действовавших в пределах существовавшего тогда правового поля.

Политическая борьба, подпольные кружки, их программные документы остались за рамками книги. Вместе с тем политические сюжеты все же получили в монографии новое, неожиданное освещение. Исследуя общественные организации, трудно обойти вопрос о политике правительства по отношению к ним. Столкнувшись, казалось бы, с дозволенной «самодельностью» обывателей, власть следовала привычным ей бюрократическим лекалам. Общественная же жизнь все более усложнялась и, соответственно, все чаще выходила за искусственные границы, установленные администрацией. Ответная реакция власти – репрессии, в результате которых самые невинные вопросы местного самоуправления, организации быта в провинции обретали политический характер. Активный землец мог считаться потенциальным революционером. В итоге – чем меньше «политики» дозволялось властью, тем больше ее появлялось. Правительство невольно само формировало оппозицию, в которую так или иначе рекрутировались все представители общественности. Сравнительно малочисленная и плохо организованная оппозиция определяла язык эпохи, вынуждая «высшие сферы» идти на уступки. Все это во многом объясняет природу событий 1905–1906 гг.

Рецензируемая книга – о том, как сугубо неполитическая конструкция общественной са-

моорганизации становится каркасом, на основе которого выстраивается политическая сфера. Сам факт создания весьма далеких от борьбы за власть объединений, например, Русского технического общества или же Педагогического общества при Московском университете, становился важнейшим фактором политической жизни. Русское общество нового времени – это не совокупность представлявших его организаций или даже популярных тогда идей. Прежде всего это определенная среда, формировавшая нормы поведения, «правила игры». Для ее изучения недостаточно «социологических замеров». Точно так же нельзя в данном случае ограничиться исследованиями в области интеллектуальной истории. Русское общество того времени можно «ухватить» лишь на стыке социальных, интеллектуальных, политических процессов XIX – начала XX в. Оно детище власти, его отражение и вместе с тем вечный оппонент правительства. В структуре же общественности сказывались все противоречия модернизационного курса властей, не справлявшихся с бурей, которую они сами вызывали.

Динамика взаимоотношений власти и общества – вопрос ключевой как для данной монографии, так и в целом для российской истории XVIII – начала XX в. Авторы книги многое сделали, чтобы ответить на него. Тем самым были открыты и новые перспективы для будущих исследований. Правительство и общественность сталкивались друг с другом в условиях асинхронности развития различных институтов и сегментов российского социума. Империя знала сосуществование очень непохожих друг на друга политических культур³. Каждая из них «конструировала» собственную Россию, стремясь навязать ей свой язык. Однако все эти попытки наталкивались на «сопротивление материала». В итоге возникали кризисы – и политические, и социальные.

К.А. Соловьев,
кандидат исторических наук
(Российский государственный гуманитарный университет)

Примечания

¹ См.: Степанский А.Д. История общественных организаций дореволюционной России. М., 1979; он же. Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX–XX вв. М., 1980; он же. Общественные организации в России на рубеже XIX–XX вв. М., 1982.

² Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 178–180.

³ Очерки русской культуры. Конец XIX – начало XX вв. Т. 2. Власть. Общество. Культура. М., 2011. С. 160.